

Эмный комментарий к мифологическому рассказу: устная традиция и интернетлор

Ольга Б. Христофорова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия, khristoforova-ob@ranepa.ru*

Аннотация. В статье ставится проблема эмного (внутреннего) комментария к фольклорным произведениям как текстопорождающей стратегии, продолжающей и трансформирующей сюжет. На материалах фольклора и постфольклора рассматривается, как эмный комментарий «работает» в случае мифологической прозы. Для сравнения взяты устная традиция русских старообрядцев Пермского края и определенный сегмент интернетлора – публикации в группах, посвященных «мистическим историям». Содержательный комментарий к мифологическим рассказам в обоих случаях представляет собой новый текст – сюжетный нарратив (быличку), несюжетное объяснение (поверье) или инструкцию (как надо/не надо было поступать). Предложение в ответ сюжетного нарратива имеет тенденцию к превращению в быличковый агон. В устной традиции такие агоны циклизуются вокруг мифологических персонажей, мотивов, реальных локусов и лиц. В случае интернетлора возможна циклизация по персонажам, мотивам либо же по общей теме «мистический случай». При этом комментарии к мифологическим рассказам в Интернете более разнообразны, чем в устном бытовании. Кроме общих типов комментариев – ответных нарративов, поверий, инструкций, уточняющих вопросов и эмоциональных откликов, в интернетлоре мы находим сомнения в достоверности рассказа, его критику и оценку перформанса.

Ключевые слова: комментарий, мифологический рассказ, фольклор, интернетлор

Дата поступления статьи: 01 ноября 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 10 января 2024 г.

Дата публикации: 26 июня 2024 г.

Для цитирования: Христофорова О.Б. Эмный комментарий к мифологическому рассказу: устная традиция и интернетлор // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 2. С. 109–124. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-109-124

Emic commentary on belief narrative: oral tradition and the internetlore

Olga B. Khristoforova

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Moscow, Russia, khristoforova-ob@ranepa.ru*

Abstract. The article discusses the problem of emic (“inner”) commentary on folklore texts as a text-producing strategy that continues and transforms the plot. In the materials of folklore and post-folklore, the author considers how emic commentary “works” in the case of mythological prose. For comparison, we take the oral tradition of Russian Old Believers of the Perm region and a particular segment of the internet lore – publications in communities specializing in “mystical stories”. The substantive commentary on belief narratives in both cases represents a new text – a narrative (a *bylichka*), a non-narrative explanation (a *pover’e*), or an instruction (how one should/should not act). A story agon usually occurs if a belief narrative is offered in response. In the oral tradition, such agons may cycle around mythological characters, motifs, actual loci and persons. In the case of internet lore, cyclization around characters, motifs, or the general theme of “mystical accident” is possible. At the same time, comments on belief narratives on the Internet exhibit greater diversity compared to those in the oral tradition. In addition to the common types of comments – belief narrative, non-narrative explanation, instruction, clarifying question, and emotional response – in internet lore, one can find doubts about the authenticity of the story, criticism of it, and evaluation of the performance.

Keywords: commentary, belief narrative, folklore, internetlore

Received: November 01, 2023

Approved after reviewing: January 10, 2024

Date of publication: June 26, 2024

For citation: Khristoforova, O.B. (2024), “Emic commentary on belief narrative: oral tradition and the internetlore”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 2, pp. 109–124, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-109-124

Комментарий, согласно энциклопедическим словарям, представляет собой толкование, разъяснение текста (от лат. *commentarius* ‘заметки, толкование’). В комментарии можно выделить содержательную сторону (уточнение, добавление информации, прояснение позиции автора текста и т. д.) и оценочную (согласие или несогласие с ней, которое также может быть выражено через сообщение информации, либо оценка самого исполнения).

С другой стороны, когда мы проблематизируем этот термин, то обнаруживаем у него широкое поле значений, требующее уточнений и оговорок. В частности, чем комментарий является по отношению к фольклорному тексту – дополнением, оценкой, чем-то еще? Что он делает с текстом – изменяет его или нет? Является ли он сам самостоятельным текстом? Вопросы можно множить. Подчеркну, что в данном случае я говорю о комментировании внутри традиции (эмном), а не о внешнем исследовательском комментарии – который, впрочем, столь же важен для восприятия текста, т. е. для его трансформации.

После работ Барта и Фуко, стало, кажется, общим местом, что каждый комментатор (и каждый читатель) меняет изначальный текст, создает новое пространство смыслов. По Барту, текст не принадлежит автору, так как возникает не из его личного опыта, а «соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников», и «вся эта множественность фокусируется в определенной точке, которой является не автор <...>, а читатель» [Барт 1989, с. 388, 390]. Смысл текста формируется на пересечении того, что говорит автор и что понимает читатель, и второй – интерпретатор – здесь главный, как и в естественном языке. Причем и сам язык, с точки зрения лингвистов, представляет собой коммуникативную систему-комментарий к событиям окружающего мира, действиям и словам других, собственным поступкам, соматическим и эмоциональным состояниям: слова – это ярлыки для вещей, предложения – ярлыки для ситуаций, стремление комментировать и интерпретировать – явные «страсти» человека, успешность коммуникации определяется уместностью комментариев [Бурлак 2011, с. 205–208]. По мнению Н.В. Брагинской, высказанному в докладе «Повествование как побочный продукт комментария» на XI Лотмановских чтениях «Комментарий как историко-культурная проблема» (ИВГИ РГГУ, 2003), комментарий не что иное, как порождающий механизм культуры: «Если древний автор пишет для ученика комментарий к своей картине, из этого рождается жанр экфрасиса. Если древний актер действует только с помощью жестов, а словесное общение с аудиторией возложено на главу труппы, в прошлом жреца, то здесь рождается то, что через много столетий превратится в литературную критику. Сама античная философия возникла во многом как комментарий к Орфею или Гомеру. Комментарий в традиционных культурах создает новый культурный фон» [Мильчина 2004, с. 121–133], см. также [Брагинская 2009, с. 19–66].

Итак, если даже письменность и издательское дело не гарантируют тексту стабильности и неизменности, если он создается заново при каждом новом прочтении, то тем паче нельзя гаран-

тировать это тексту устной традиции, по определению нестабильному, изменчивому, варьирующему. И если первичная моделирующая система – это система-комментарий, то вторичные, очевидно, следуют за ней; во всяком случае, это несомненно так в отношении фольклора. Рассказ о чудесах – это комментарий к христианской легенде («материнские» и «дочерние» тексты, по К.В. Чистову), быличка – к событию, показавшемуся странным, пословица – к социальной ситуации («знак ситуации», по Г.И. Пермякову), запреты и предписания – к поведению человека, приметы – к состоянию окружающего мира, а личная песня – к жизненным обстоятельствам и настроению исполнителя.

Следовательно, вопрос «возможен ли эмный комментарий к фольклорному тексту?» может быть переформулирован следующим образом: если устная традиция – в целом комментарий, то как она «работает»? Чем являются отдельные комментарии, как их можно определить, классифицировать?

По-видимому, это зависит от следующих основных факторов:

1) фольклорного жанра, к которому относится / с которым связан комментарий;

2) «встроенности» комментария в текст (клишированность/разовость комментария в связи с исполнением определенного текста);

3) адресанта и адресата комментария (кто комментатор – исполнитель или слушатель? кому он адресует свое высказывание?);

4) содержательный он и/или оценочный, если оценивается – что именно, содержание или исполнение?

Так, в случае сказки комментарии исполнителя – это и особые формулы в самом тексте, делающие «видимым» «внутреннего» рассказчика, находящегося в сказочном пространстве, и разовые высказывания, принадлежащие рассказчику «внешнему» – пояснения элементов сказки, которые могут быть непонятны слушателям, отсылка к внетекстовым ситуациям и фактам, сравнение с ними сказочных событий, наконец, сетования на плохую память и разные жизненные обстоятельства. Комментарии слушателей сказки – это эмоциональные реакции, вопросы, но главным образом оценка исполнения («складно баешь»; «у нас не так сказывали»). В эпосе (а также в архаической сказке) роль комментатора может принадлежать особому персонажу, чьими «глазами» слушатели «видят» происходящее – например, это ненецкие *вада-сюд-бабц* ('слово-песня') и *лаханако* 'сказка', энецкое *дѐре* 'речь', нганасанское *нгала* 'слово' [Новик 2019, с. 311–313].

В случае обрядовых текстов комментарии могут представлять собой пояснения, как правильно проводить ритуал – полные

(представляющие собой особые «фольклорные инструкции») или краткие (соотносимые с предписаниями и запретами как малыми формами фольклора), либо рассказы о том, к каким последствиям привело неисполнение или неверное выполнение обряда (жанр мифологического рассказа, или былички). В обоих случаях перед нами – отдельные вербальные тексты (разной степени подробности и аутентичности) по поводу ритуального текста.

В целом, комментирование нередко оказывается текstopорождающей стратегией – продолжающей и трансформирующей сюжет и даже создающей новый (как, в частности, показали в своих работах К.В. Чистов – говоря об «основных» легендах и «дочерних» текстах [Чистов 1967], С.Ю. Неклюдов – анализируя исторические предания [Неклюдов 2016]). Особенно это касается, на наш взгляд, мифологической прозы: комментарии в данном случае относятся главным образом не к оценке качества перформанса (хотя оно также имеет значение, ср. хотя бы эмоциональные реакции при рассказывании быличек), но к содержанию – это могут быть и уточняющие вопросы, ответы на которые развивают сюжет, и, наоборот, ответы слушателей на поставленный рассказчиком «основной вопрос» былички: «Что это было?» (см. об этой ключевой особенности мифологического рассказа [Левкиевская 2006, с. 176]). Наконец, комментарием к быличке вполне можно считать рассказ о похожем мистическом опыте – так комментирование может превратиться в быличковый агон [Левкиевская 2006, с. 174].

Далее мы рассмотрим, как эмный комментарий «работает» в случае мифологической прозы на материалах традиционного фольклора и постфольклора. Для сравнения будут взяты, во-первых, устная традиция русских старообрядцев-беспоповцев Верхотамья и, во-вторых, определенный сегмент интернетлора – публикации в группах, посвященных «мистическим историям». Фокус сравнения – общность жанра (мифологический рассказ) и естественная ситуация коммуникации, предполагающая комментарии участников сообщества на такие рассказы. Другие параметры (среда бытования, круг участников, степень включенности исследователя) в данном случае оставлены в стороне.

Проанализируем в оптике комментария речевые высказывания во время старообрядческого моления.

В 2011 г. на «летнюю Казанскую» (празднование Казанской иконе Богородицы 21 июля) деминский собор пос. Северный Коммунар Сивинского района Пермского края молился у Ульяны Васильевны. Во время моления хозяйка дома, читая и творя поклоны, периодически растирала себе левый бок. Во время перерыва, когда все присели отдохнуть, она продолжала растирать слева под грудью. По этому поводу состоялась следующая беседа.

Соб. (к У.В.С., сочувственно): Сердце болит?

Е.А.Ч. (духовница): Под сердцем болит. Нечистый. Да. Не дает молиться-то.

У.В.С. (шоркая бок): Ой...

Соб.: Это вот...

Е.А.Ч.: По-нашему – пошибка. По-простому. А погляди, сколько там на юге-то, там, в Евангелии-то... Сколько он выганивал их – легион! Парня-то, уж так они его извели, что он никуды ничё, голый был, в гробе только жил, не понимал ничё. Цепями его – он чисто всё <рвал>... А Иисус Христос ходил, увидел его, бесы-те: «Ой! – заревели – Не мучай нас преждевременно, не мучай, не мучай нас преждевременно! Не повели... Не отправь в ад, а повели нам в свиной зайти». Две тысячи с чем-то свиной-те были, пас стадо-то. А они все, бесы-те, тожно вышли из парня-то, все в стадо-то свиное, а тожно свиной-те чисто все в воду, в море... Ой...

Соб.: Что ж получается, и по две пошибки могут быть в одном человеке?

Е.А.Ч.: Чё, и семь ишо были в Марье Египетской! Нет, в Магдалыне. Семь были. Выгнал Сын Божий. Где два, где три. А вот из человека-то выганиват пошибку-ту, он в Евангелии-то говорит-от: «Чё, выгонят меня дак. Я полетаю, полетаю, везде полетаю, полетаю, нигде не найду место-то... Где у человека-то дом помеченный, все сделано, прибрано – я в него полезу, да еще семь с собой приведу. Ишо семь, да ишо злее меня, как сказать. Он тожно страдать пуще будет». Вот почему-то на юге-то больше. А дак чё, у нас далёко ходить не надо. Была у старушки в Лискино пошибка-то, разговаривала: «Э, нас... Черномазию-ту читают, читают, нас мальчиков-девочек наделают, потом в листы-те положат, брызгают-брызгают. Мы на сороковой день оживем, сорок штук враз. Выпустят нас колдуны-те на улицу-ту. Мы летам-летам, летам-летам, летам-летам, да в кого надо, в того и полезем. Кому в ухо, кому как. Феклистика-то лискинская, она постоянно Богу молилась, дак она: «Я в ухо ей полезла!»

Е.П.М.: А мне Татьяна Николаевна, покоенка, говорила, у нее пошибка. Про Афоню: «Он тебя бережет для себя, для себя», – говорит. То и не пускал мне пошибку. У Кати-то Григорьевны, у нее всё: «Ой ты, ой ты». Он насадил многим! Ой, Господи! Меня миловал он.

У.В.С.: Когда умирает человек, она в кого-то опять залезает.

Е.П.М.: Да.

Е.А.Ч.: (к У.В.С.): Евстигней-то Ефремович донимал, ты не помнишь, наверное, Минеевны-те были у Иванков – Миниха, эта... Федосья, Дарья, Пелагия...

У.В.С.: Не помню. Я только Федосью Ивановну помню.

Е.А.Ч.: Не, эти Минеевишны были. Федосью-ту мы провожали, у Галят она жила. А Евстигней Ефремович, пошибка-то говорящая, он

донимать ее любил, она: «Хозяюшку задавлю, задавлю, задавлю». – «А куды пойдешь?» – «Пойду на ричку, сяду на вичку, какая девочка молоденька пойдет, перематываются, я в ее и полезу».

У.В.С.: Вот и всё... Господи, Боже...

Е.П.М.: Ну, все, давайте начнем.

Е.А.Ч.: Давайте. Басни у меня до утра хватит. До утра, до вечера...¹

Вся эта краткая (длительностью ровно 3 минуты), но емкая беседа представляет собой цепочку комментариев. Первая реплика – мой вопрос одной из молеющих исключительно с целью выразить сочувствие и, в зависимости от ответа, предложить помощь. Однако ответ предлагает другая участница моления, точнее, его руководительница – Евдокия Александровна, духовница, безусловный религиозный авторитет для всех присутствующих, в том числе в области духовного понимания повседневных событий. Она комментирует жест Ульяны Васильевны (и, соответственно, ее состояние) с религиозной точки зрения: болезненные ощущения вызывает нечистый дух, реагирующий так на молитвы. Адресатом высказывания духовницы выступают не столько ее товарки, для которых в данной интерпретации явно нет новизны, сколько исследователи – три девушки. Далее Евдокия Александровна комментирует свой тезис пересказом истории о гадаринском бесноватом по Евангелию от Луки (Лк 8: 26–39, ср.: Мк 5: 1–19, Мф 8: 28–34), тем самым подкрепляя свое понимание происходящего авторитетом Священного Писания. Адресаты здесь те же, прагматика высказывания – проповедь. В ответ на уточняющий вопрос «чужого» снова идет отсылка к евангельским рассказам – об изгнании семи бесов из Марии Магдалины (Лк 8: 2, Мк 16: 9) и о человеке, из которого изгнали нечистого духа, но который не принял Христа, оставил свою душу пустой, и нечистый дух вселился в него снова, да еще и с товарищами (Лк 11: 24–26, Мф 12: 43–45). Проповедь с опорой на Священное Писание продолжается далее отсылкой к местной мифологии. Рассказ о говорящей пошибке в д. Лискино – это комментарий духовницы к евангельским сюжетам о бесах, подверстывание под их нарративные схемы местной мифологической традиции и вместе с тем расширение с помощью последней христианского демонологического поля. Этот риторический ход включает в число адресатов всех присутствующих: кроме Евдокии Александровны и Ульяны Васильевны молились еще две соборные – Анна Еремеевна и Ефросинья Петровна – и присутствовала «по-мирски» еще одна женщина. Отсылка к верхокамским историям о пошибке призвана прибли-

¹ Полевые материалы хранятся в архиве автора.

зять евангельский хронотоп ко времени и пространству местных жительниц (или их самих к содержанию Священного Писания). Именно для них упоминается и название деревни, и имя старушки с пошибкой.

Такая локализация дает интересный эффект: на упоминание местных реалий отзывается Ефросинья Петровна, комментируя проповедь духовницы историей из собственной жизни. Завладев словом «пошибка» как штурвалом, она разворачивает беседу от прозелитического пафоса Евдокии Александровны к быличковому агону. Адресаты ее слов – уже не приезжие исследователи, но присутствовавшие «свои»: только они знают упомянутых Ефросиньей Петровной людей, а сама история касается лично ее и лишена какой-либо морали. Ульяна Васильевна попыталась, как кажется, «спасти» коммуникативную ситуацию и вернуть вектор беседы. Она комментирует нарратив товарки с помощью жанра «поверье» («как бывает»), тем самым останавливая обмен быличками и явно адресуясь к исследователям; само ее включение в беседу происходит потому, что на шаг выше случилась смена адресата. Однако Евдокия Александровна сама включается в дискурс локальных сплетен: обращаясь в этот раз исключительно к «своим», она называет нескольких местных жителей, и от этого перечисления переходит к быличке о пошибке с морализаторским оттенком (обоснование запрета на матерную брань), предназначенной уже, скорее, приезжим². Тем самым духовница возвращает себе власть над дискурсом, а сам дискурс переводит из обмена личными историями и местными сплетнями опять в жанр проповеди. Ульяна Васильевна подтверждает мораль, а Ефросинья Петровна предлагает заканчивать разговоры. Евдокия Александровна принимает предложение и объявляет о возобновлении моления.

В этом примере мы видим несколько уровней последовательного комментирования, переводящего беседу из одного дискурса в другой и создающего новые тексты: жест – попытка его медицинской интерпретации – духовная интерпретация – проповедь

² Любопытно, что переходом для нее послужил не сам мифологический персонаж, вокруг которого циклизуется агон (в данном случае так и не развернувшийся), а, скорее, местный контекст мифологических сюжетов – где, с кем, когда, при каких обстоятельствах произошел тот или иной случай. В беседах с исследователями Евдокия Александровна обычно опускала в своих рассказах привязку к местной конкретике – имена и топонимы. Это заставляет задуматься, как устроен агон в «невозмущенной» исследователями (и в целом «чужими») среде, какие элементы в нем могут считаться ключевыми и «движущими». Но это тема отдельного разговора.

с отсылкой к евангельской и затем к местной истории – попытка быличкового агона – возвращение к жанру проповеди. Уместность в данном контексте такого типа комментариев, как проповедь, несомненна: у старообрядцев-беспоповцев в перерывах во время молитв и за трапезой после молитвы было принято, чтобы духовный наставник, начетчик или другие члены собора просвещали и наставляли «мирских» чтением, беседой, пением духовных стихов. Евдокия Александровна, ставшая соборной в детстве и никогда не оставлявшая молитву, усвоила эту традицию от «ранешних стариков» и постоянно ее практиковала. Былички как рассказ о демоническом в этом контексте скорее неуместны, однако, как мы видим, упоминание тех или иных людей (предполагаемых колдунов или, напротив, жертв колдовства) или мифологических персонажей (как в данной беседе пошибки) способно послужить триггером и порождать тексты этого жанра.

Второй объект нашего интереса – определенный сегмент интернетлора: истории о необычных/мистических происшествиях, отчасти сопоставимые с традиционными быличками по тематике, персонажам, установке на достоверность³. Такие истории бытуют на разных сетевых платформах в письменном виде – как отдельные посты либо как комментарии к ним. В Интернете есть и особые площадки для обмена такими историями (например, группа «Сбой матрицы» в социальной сети Facebook*, отдельные авторские каналы, специализирующиеся на «мистике», на платформе Дзен). Тематика историй о сверхъестественном на подобных сетевых платформах в ее соотношении с традиционной мифологической прозой заслуживает отдельного рассмотрения (кратко отметим лишь редукцию сюжетно-мотивного набора и локальной специфики мифологии, унификацию традиционных представлений – персонажей, толкований, практик, а также появление новых, из разных источников – иных этнокультурных сред, авторского оккультизма, научной фантастики). В данном случае нас интересуют комментарии к исходному посту с «мистической историей» – что они собой представляют?

Для анализа в русскоязычном сегменте Интернета были выбраны авторские блоги, специализирующиеся на «мистике»,

* Является продуктом компании Meta, деятельность которой запрещена в РФ.

³ Библиография работ по фольклору в Интернете довольно внушительна [Алексеевский 2012], однако мифологическим рассказам «на новой почве» уделялось не так много внимания. Исследователи, хотя и на ином материале, высказывали наблюдение, что коммуникация в Интернете во многом схожа с фольклорной [Радченко 2006; Загидуллина 2015].

на платформе Дзен (с июня 2015 г. по сентябрь 2022 г. – Яндекс. Дзен, ныне принадлежит корпорации VK): «Это было», «Сборник историй», «Страшные сказки», «Что-то не то», «За чашкой кофе», «Паранормальные байки», «Мистическая реальность», «Эффект наблюдателя», «Мир вокруг меня», «Идейный вдохновитель», «Непотопляемый перчик», «Города в огородах» и др.⁴ Эти сетевые ресурсы представляют собой персональные страницы (блоги), авторы которых публикуют истории, а их подписчики или случайно зашедшие на страницу сетевые серферы читают их и реагируют. Типы возможных реакций таковы: оценка («лайк» – «нравится» / «дизлайк» – «не нравится»), пересылка («поделиться»), подписка на блог («подписаться»), внести публикацию в свой сетевой архив («сохранить»), жалоба администраторам платформы на несоответствующий контент («пожаловаться»), написать комментарий. Комментарии могут быть на исходную публикацию, а также на другие комментарии. Их также можно оценить («нравится»/«не нравится»), а также пожаловаться (если комментарий неуместен, оскорбителен либо представляет собой спам или мошенничество).

Комментарии к «мистическим историям» в Интернете могут быть содержательными (объяснение произошедшего; мнение, как следовало или не следовало поступить герою истории; ответные рассказы о схожем опыте), вопросительными (запрос на уточнение), эмоциональными, оценочными (признание или отрицание достоверности рассказа, оценка качества исполнения)⁵.

Было просмотрено 100 публикаций с длинными цепочками комментариев, расходящимися на отдельные ветки (всего в среднем от 100 до 500 комментариев к исходному тексту). Для примера была выбрана публикация с 361 комментарием,

⁴ Крайне интересная по содержанию и веткам комментариев группа «Сбой матрицы» не стала предметом рассмотрения потому, что в ней существуют премодерация постов (соответственно, тематические ограничения) и строгие правила для комментаторов (соответственно, модерация комментариев).

⁵ Было бы интересно сопоставить эти комментарии с дискуссиями на других тематических площадках в Интернете (обмен кулинарными рецептами, вопросы воспитания детей, межличностных отношений, советы по стилю и др.). Отчасти коммуникативные ситуации могут быть похожими – также возможны ответные рассказы о схожем опыте, инструкции, эмоциональные отклики, запросы на уточнение, отрицание достоверности. В случае литературных блогов также будет оцениваться качество сочинения. Сравнение комментариев к мистическим историям с комментариями к иным по тематике текстам, в том числе нефольклорным, требует отдельного исследования.

из которых 186 были реакцией на исходную историю. Они были распределены следующим образом по частоте встречаемости (см. табл. 1).

Таблица 1

Типы комментариев
к «мистическим историям» в Дзене

1	«Что вы там курите?» (обесценивание, шутка)	36
2	Ответный нарратив (быличка) из опыта комментатора или его родных/знакомых, иногда с характерным вопросом (автору блога и всем читающим): «Что это было?»	34
3	«(Не) надо (было) (с)делать так» (инструкция)	28
4	«Было вот это» (объяснение происшествия в рамках той же картины мира; несюжетный текст – поверье)	22
5	Уточняющий вопрос к исходному тексту, запрос на расширение истории	12
6	«Внешнее» объяснение (рациональное – из научной картины мира, здравого смысла; ортодоксально-религиозное)	10
7	«Жуть!» (эмоциональный отклик)	10
8	«Интересно, пиши еще!» (оценка «исполнения»)	10
9	«Верю» (признание достоверности)	10
10	Критика текста (на иных основаниях, чем следующий пункт)	10
11	«Неинтересно пишешь» (оценка «исполнения»)	4

Статистика, разумеется, будет различаться в отдельных случаях, однако типы комментариев, как кажется, достаточно устойчивы. Таковы же они и в отдельных ветках (комментарии к комментариям). Цифры, как удалось обнаружить, зависят от типа исходного текста. Если он подается как авторский рассказ на мистическую тему либо считается читателями как «литературный опыт», то будет значительно больше оценок «исполнения» (хорошо/плохо придумано) и меньше ответных быличек. Если исходный текст подается как «рассказ подписчика» (мимикрирует под «рассказ о реальном случае» либо действительно в качестве исходной публикации берется чужая история из комментариев к предыдущему посту автора), то среди комментариев преобладают те, что подтверждают установку на достоверность: эмоциональные отклики, вопросы, объяснения из той же картины мира, инструкции и ответные рассказы. Замечу, что критические

комментарии не к форме, а к содержанию текста (предложение рациональных объяснений, шутки, обесценивание истории) присутствуют в обоих случаях.

Была обнаружена довольно явная закономерность: чем более понятна история и чем лучше она соотносится с «фольклорным фоном» (привычные мифологические персонажи и контекст их появления), тем больше «лайков» и комментариев она получает и тем больше ответных нарративов среди этих комментариев. Отдельная задача – проследить статистику комментариев в зависимости от темы истории в соответствии с персонажами указателями сказочной прозы, пока что отметим, что наибольший отклик, на первый взгляд, получают истории о покойнике (душа умершего в первое время после смерти; ходячий покойник), домовом и лешем. Встречались и такие случаи, когда исходный текст плохо соотносился с традиционными сюжетами и персонажами сказочной прозы, а комментаторы перетолковывали его содержание в духе последних и «выводили» обсуждение на «привычных» покойника и домового.

Вернемся к специфике быличкового агона в интернетлоре. Поскольку в рассмотренных тематических блогах неактуальна локальная специфика, в рассказах опускаются топонимы, имена и другая конкретика. Рассказы циклизуются не вокруг отдельных природных локусов, населенных пунктов или фигур местных жителей, а вокруг тем, мотивов и персонажей. Пополнение «библиотек историй» происходит за счет общих черт «мистического опыта», и наоборот, обмен личными историями приводит к формированию набора таких универсальных черт и к стереотипизации сетевых рассказов о сверхъестественном.

Между тем «цензура коллектива» в сетевом фольклоре отличается своей спецификой. Мифологические рассказы здесь существуют в письменном виде и не подлежат пересказу и переписыванию (по крайней мере, в рамках комментариев к ним). Переход к более привычным темам и персонажам в комментариях можно считать вариантом фольклорного пересказа, стандартизирующего историю, «убирающего» из нее непонятные и непривычные элементы, но в интернетлоре все же мы видим не пересказ, а добавление нового рассказа, так что текст первого остается нетронутым. Второе важное обстоятельство – включаются те механизмы цензуры, которые (почти) не встречаются в традиционном быличковом агоне: сомнение в достоверности чужих историй, их обесценивание, рационализация, в целом – оценочное комментирование с точек зрения, внешних для содержания историй и интенций рассказчиков и читателей (научной, здравого смысла, ортодоксально-религиозной и т. п.).

Вместе с тем сам процесс коммуникации вокруг «мистических историй» в блогосфере Дзена имеет много общего с рассказыванием традиционных быличек: в обоих случаях присутствуют особый когнитивно-эмоциональный настрой, элемент соревновательности, желание поделиться своим опытом в среде тех, кто тоже сталкивался с чем-то подобным, найти объяснение странным происшествиям. Неоднократно встречались примерно такие высказывания: «Я никому не рассказывал об этом, потому что боялся прослыть сумасшедшим, а здесь я вижу единомышленников и не боюсь говорить, к тому же надеюсь услышать объяснение от тех, кто понимает в этом лучше меня».

Следовательно, можно утверждать, что вокруг постов о «мистике» на платформе Дзен (а иногда и в целом вокруг блогов их авторов) возникают виртуальные сообщества, объединенные интересом к историям о необычных и загадочных происшествиях, о сверхъестественном. Эти сообщества можно назвать тематически-эмоциональными, они имеют временный характер, создаются ради комментирования отдельных исходных постов и «пересобираются» заново в каждой ветке комментариев. Составляют ли ядро таких сообществ подписчики блога – сказать трудно, эта информация закрыта для сторонних пользователей, однако в любом случае эти сообщества состоят не из знакомых друг другу людей. Это заметно и по комментариям (мне не встретились персонализированные отношения), и способу самопрезентации – участники сообществ скрываются за никами (сетевыми псевдонимами) и аватарами (фотографиями или, чаще, любыми изображениями). Основная активность внутри этих сообществ – обмен историями о сверхъестественном и соответствующими эмоциями, главный стимул участвовать в этой активности – желание прочесть чужую историю и поделиться своей: узнать, что это было, или же просто без опаски высказаться (в среде единомышленников и к тому же анонимно).

В заключение обозначим основные выводы работы. Содержательный комментарий к мифологической прозе во многих случаях представляет собой новый текст того же или близкого жанра: в ответ на быличку может быть рассказана быличка, сообщено поверье или инструкция. Предложение в ответ сюжетного нарратива имеет тенденцию к превращению в быличковый агон. В устной традиции такие агоны могут циклизироваться вокруг мифологических персонажей, мотивов, реальных локусов и лиц. В случае интернетлора возможна циклизация по персонажам, мотивам либо же по общей теме («мистический случай»). При этом комментарии к мифологическим рассказам в интернете более разнообразны, чем в устном бытовании. Кроме общих типов комментариев –

ответных нарративов, поверий, инструкций, уточняющих вопросов и эмоциональных откликов, в интернетлоре мы находим сомнения в достоверности рассказа, его критику и оценку перформанса.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Acknowledgments

The article was prepared as part of the research work of the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Список информантов

Е.А.Ч. – Евдокия Александровна Чадова, ж., 1932 г. р., зап. в пос. Северный Коммунар Сивинского района Пермского края О.Б. Христофорова 21.07.2011.

У.В.С. – Ульяна Васильевна Сабурова, ж., 1924 г. р., зап. в пос. Северный Коммунар Сивинского района Пермского края О.Б. Христофорова 21.07.2011.

Е.П.М. – Ефросинья Петровна Порошина, ж., 1933 г. р., зап. в пос. Северный Коммунар Сивинского района Пермского края О.Б. Христофорова 21.07.2011.

Литература

- Алексеевский 2012 – *Алексеевский М.Д.* Интернет и фольклор: материалы к библиографии 1996–2011 гг. // Традиционная культура. 2012. № 3. С. 183–185.
- Барт 1989 – *Барт Р.* Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 384–391.
- Брагинская 2009 – *Брагинская Н.В.* Комментарий как механизм инноваций в традиционной культуре и не только // Культура интерпретации до начала Нового времени / отв. ред. Ю.В. Иванова. М.: Издат. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2009. С. 19–66.
- Бурлак 2011 – *Бурлак С.А.* Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель: Corpus, 2011. 607 с.
- Загидуллина 2015 – *Загидуллина М.В.* Теория интернет-фольклора: коммуникация фольклорного типа и самоидентификация участников

- крупных форумов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 4. С. 86–96.
- Левкиевская 2006 – *Левкиевская Е.Е.* Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Вып. 10: Семантика и прагматика текста / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2006. С. 150–214.
- Мильчина 2004 – *Мильчина В.А.* Комментарий умер? Да здравствует комментарий! (Отчет о XI Лотмановских чтениях «Комментарий как историко-культурная проблема») // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 121–133.
- Неклюдов 2016 – *Неклюдов С.Ю.* Легенда о Разине: персидская княжна и другие сюжеты. М.: Индрик, 2016. 550 с.
- Новик 2019 – *Новик Е.С.* Способы засвидетельствования и типы повествователя в архаическом фольклоре народов Сибири // Новик Е.С. Миф и ритуал народов Сибири. М.: РГГУ, 2019. С. 307–329.
- Радченко 2006 – *Радченко Д.А.* Современный кинематографический анекдот в условиях сетевой коммуникации // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докладов / отв. ред. А.С. Каргин. Т. 3. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2006. С. 307–317.
- Чистов 1967 – *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 339 с.

References

- Alekseevskii, M.D. (2012), “Internet and folklore: Materials to the bibliography 1996–2011”, *Traditsionnaya kul'tura*, vol. 3, pp. 183–185.
- Barthes, R. (1989), “The death of the author”, in Barthes, R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. poetics], Progress, Moscow, USSR, pp. 384–391.
- Braginskaya, N.V. (2009), “Commentary as a mechanism of innovation in traditional culture and not only”, in Ivanova, Yu.V., ed., *Kul'tura interpretatsii do nachala Novogo vremeni* [The culture of interpretation before the beginning of the Modern Era], Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo Universiteta – Vysshei Shkoly Ekonomiki, Moscow, Russia, pp. 19–66.
- Burlak, S.A. (2011), *Proiskhozhdenie yazyka: Fakty, issledovaniya, gipotezy* [The origin of language: Facts, studies, hypotheses], Astrel, Corpus, Moscow, Russia.
- Chistov, K.V. (1967), *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* [Russian folk socio-utopian legends of the 17th – 19th centuries], Nauka, Moscow, USSR.
- Levkievskaya, E.E. (2006), “Pragmatics of the mythological text”, in Tolstaya, S.M., ed., *Slavyanskii i balkanskii fol'klor, vyp. 10: Semantika i pragmatika teksta* [Slavic and Balkan folklore, vol. 10: Semantics and pragmatics of the text], Indrik, Moscow, Russia, pp. 150–214.

- Milchina, V.A. (2004), "Is commentary dead? Long live commentary! (Report on the XI Lotman Readings 'Commentary as a historical and cultural problem')", *Novoe literaturnoe obozrenie*, vol. 66, pp. 121–133.
- Neklyudov, S.Yu. (2016), *Legenda o Razine: persidskaya knyazhna i drugie syuzhety* [Legend of Razin: Persian princess and other plots], Indrik, Moscow, Russia.
- Novik, E.S. (2019), "Modes of evidentiality and types of narrators in the archaic folklore of peoples of Siberia", in Novik, E.S., *Mif i ritual narodov Sibiri* [Myth and ritual of the peoples of Siberia], Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, pp. 307–329.
- Radchenko, D.A. (2006), "Modern cinematographic anecdote in the conditions of network communication", in Kargin, A.S., ed., *Pervyi Vserossiiskii kongress fol'kloristov: Sbornik dokladov* [First All-Russian Congress of folklorists: Collected papers], vol. 3, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, Moscow, Russia, pp. 307–317.
- Zagidullina, M.V. (2015), "Theory of Internet folklore: Communication of folklore type and self-identification of participants of large forum", *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 157, no. 4, pp. 86–96.

Информация об авторе

Ольга Б. Христофорова, доктор филологических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 84; khristoforova-ob@ranepa.ru
ORCID ID: 0000-0001-5041-2335

Information about the author

Olga B. Khristoforova, Dr. of Sci. (Philology), Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; 84, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; khristoforova-ob@ranepa.ru
ORCID ID: 0000-0001-5041-2335